

Скоропанова Ирина Степановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Irina Skoropanova

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Department of Russian Literature,
Belarusian State University
Belarus, Minsk ruslit@bsu.by

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮБОВИ ТУРБИНОЙ

CENTRAL ASIAN COMPONENT IN THE WORKS OF LYUBOV TURBINA

В статье рассматриваются стихи Л. Турбиной, посвященные республикам Средней Азии – Туркменистану, Азербайджану, Узбекистану. Раскрываются средства воссоздания восточного колорита, проанализирован среднеазиатский компонент стихотворений. Концептуализируется турбинский образ Востока.

К л ю ч е в ы е с л о в а: названия городов; имена собственные; обозначения примет среднеазиатского быта и пейзажа; иноязычная лексика.

The poems of L. Turbina dedicated to the republics of Central Asia, such as Turkmenistan, Azerbaijan, Uzbekistan, are examined in the article. The ways of creating the Eastern local flavour are revealed, and the Central Asian component of the poems is analyzed. The article also conceptualizes Turbina's image of the East.

К е у w o r d s: city names, proper names; naming units of the features of Central Asian mode of life and landscape; foreign words.

В творчестве современной русской поэтессы Л. Турбиной заметное место занимают портреты городов и стран, в которых она побывала. Есть у нее европейский, русский, белорусский, восточный циклы. Сердцевину последнего составляют стихотворения, посвященные республикам Средней Азии – Туркменистану, Узбекистану, Азербайджану, с которыми Л. Турбина сроднилась еще в советскую эпоху. Наряду с поэтическим творчеством она занималась и литературоведческими исследованиями, в том числе во время работы в НАН РБ темой «Контакты Беларуси с тюркоязычными литературами». Л. Турбина посещала Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, принимала участие в проводившихся там культурных мероприятиях, обрела друзей и даже проходила в Азербайджане стажировку, когда изучала азербайджанский язык. Туркменистан же Л. Турбина вообще считает своей второй родиной, так как родилась в Ашхабаде, куда во время войны была эвакуирована ее мать-москвичка. И для творчества поэтессы идеи межнационального культурного сотрудничества, вообще нормализованных межнациональных отношений весьма значимы. Обострилось внимание к ним с конца 1980-х – начала 1990-х, когда в условиях гласности в республиках возникли национальные движения, а в их недрах заявили о себе и ультра-национа-

листические тенденции, чреватые кровавыми межнациональными столкновениями. В таких непростых условиях обращается Л. Турбина в своих стихах к межнациональной проблематике. Она трезво оценивает происходящее, в ее произведениях появляются и горькие ноты, и обвинения творящим злодеяния, но доминируют в них идеи сближения, единения, родства, пронизывающие цикл «Восточные мотивы».

Основывается Л. Турбина всегда на личных впечатлениях, пишет об увиденном, испытанном, пережитом ею самой. Чаше это воспоминания о прошлом, его прекрасных мгновениях при подведении итогов жизни. Закономерно появляется в стихах среднеазиатский компонент, передающий национальную специфику описываемых республик, в дальнейшем – самостоятельных государств. Сюда входят:

а) обозначение части света: *Азия*, эпитет *азийский*;

б) названия городов: *Ашхабад*, *Баку*, *Шэки*, *Ташкент*, *Фергана*;

в) имена классиков среднеазиатской литературы: *Махтумкули*, <Гянджеви Ильяс Юсиф оглы> *Низами*, <Мирза Фатали> *Ахундов*, <Алишер> *Навои*, <Захириддин Мухаммед> *Бабур*, а кроме того – современных писателей: *Байрам Жутдиев*, *Атамурад Атабаев*, *Тиркиш Джамагульдиев*; сюда же, можно сказать, примыкает название классического произведения азербайджанской литературы – «*Лейла и Меджнун*» Низами;

г) лексика для обозначения характерных примет среднеазиатской жизни: *арык*, *караван-сарай*, *шатёр*, *саза*, *шербет*;

д) непосредственные узбекские слова, правда, в русской транслитерации: *Багча шамал*, *мушайра*.

Дополнительную окраску благодаря этому обретает лексика нейтрального характера, передающая особенности среднеазиатского пейзажа: *горы*, *жара*, *орошенная пустыня*, *море*.

Л. Турбина не скрывает, что очарована восточной экзотикой, например, пещерой с подземным озером у подножья Копетдага в Туркменистане и ашхабадским базаром, напоминавшим сказочную «пещеру Аладина, где сокровища лежат на земле грудями» [1, с. 7], а главное – встречей с талантливыми, доброжелательными людьми, в числе которых – поэты Б. Жутдиев, А. Атабаев, прозаик Т. Джамагульдиев. Это вполне европеизированные люди, сохранившие, тем не менее, особую восточную утонченность и приверженность национальным традициям. В романтизированно-опоэтизированном облике предстают у Л. Турбиной А. Атабаев в стихотворении «Пушкинский профиль» и Т. Джамагульдиев в «Посвящении в восточном стиле». Сквозь переводимые ею стихи А. Атабаева проступает для поэтессы образ туркменского собрата, его прекрасная душа, посылающая улыбку привет. Джамагульдиев же у Л. Турбиной – центр группы писателей, отдающих дань памяти основоположнику туркменской классической литературы Махтумкули в его родном селении Хаджи-Говшан. Тиркиш запомнился поэтессе с розою пурпурной у самых ног Махтумкули [2, с. 94].

А подняться к памятнику нужно было высоко в горы, минуя поля маков и скалистых пород. Реальный подъем обретает у Л. Турбиной и метафорическую семантику духовного очищения, приобщения к высшим ценностям. Для Махтумкули они воплощались в положениях ислама, выбитых на стене памятного мемориала. Но Махтумкули был противником религиозного фанатизма, критиковал межплеменную и межродовую вражду. Все это делает его наследие по-новому актуальным, и духу Махтумкули поэта-свободного как бы предлагает следовать и ныне.

Сладостность переживаемых в Туркменистане мгновений акцентирует у Л. Турбиной эпизод поедания дыни, получающий расширительное, символическое наполнение:

Мы ели дыню – сладкий плод –
Из орошаемой пустыни...
У райских запертых ворот
Мы ели дыню [2, с. 96].

Ночь в Красноводске ассоциируется с пребыванием в преддверии рая, настолько она прекрасна («Красноводск», 1985). Звездный свод над головой, на Востоке гораздо более отчетливо видный, напоминает вместе с тем о вечном и о том, что рано или поздно каждый из этого мира уйдет. Л. Турбина поэтизирует сам феномен жизни как главной для человека ценности, нацеливает на сближающие людей факторы и отталкивание от всего, что может приблизить «ладью Харона». Немаловажную роль в этом она отводит литературе.

Конкретизирует представление о том, как литература помогает найти общий язык людям разных национальностей, стихотворение «Шэки» (1986). Это название родного города Мирзы Фатали Ахундова, азербайджанского писателя и просветителя XIX в., памятные мероприятия в честь юбилея которого проводились в Азербайджане в 1986 году. Ахундов же сформировался под влиянием русской культуры и считается родоначальником реалистической азербайджанской литературы. Л. Турбина передает свои впечатления от пребывания в Шэки на днях Ахундова.

Поразил ее, например, Дом интеллигенции, ибо подобного больше нет ни в одной стране мира, – чувствуется влияние авторитета образованнейшего Фатали; там же находится музей старины. Упоминаются у Л. Турбиной и караван-сарай как обозначение сохранившегося с шахских времен дворцового строения, и струнный инструмент – саза, что служит передаче национального колорита. Общее настроение стихотворения – трепетно-романтическое, так как пребывание в Шэки сопровождается воссозданием зарождающегося любовного чувства между познакомившимися здесь мужчиной и лирической героиней. Л. Турбина напрямую ничего не проговаривает, больше намекает, так как окончательно ничего еще не определилось. Антураж, в который помещены персонажи, указывает на их духовное родство, каковое сильнее национальных различий. Соединил встретившихся Ахундов-Фатали:

Под знаком Фатали –
и сердце вдруг забьется
На том краю земли, что Азией зовется,
На том краю земли, у самой дальней дали
Под знаком Фатали –
оркестрик на вокзале.

Шел дождь в тот день в Шэки –
мы пробуем шербеты.
Коснись моей щеки –
еще нельзя об этом,
В музее старины, где заиграют сазы,
Едва коснусь струны –
ты восторгнешься сразу [2, с. 98].

«Под знаком Фатали», как можно понять, значит под знаком честности, искренности, отсутствия лжи, притворства, предрассудков созревает возникшее чувство. Окружающая экзотика создает для него прекрасно-возвышенную раму, настраивает музыку сердец. Само слово «Фатали» очень музыкальное, поющее, и используемый повтор усиливает смутно различимый восточный мотив.

Спустя четверть века стихотворение продолжает вызывать к тому, чтобы взаимоотношения и отделившихся друг от друга Азербайджана и России строились «под знаком Фатали» – мира и добросердечия.

С ходом времени в произведениях Л. Турбиной увеличивается количество восточной лексики, расцвечивающей стихи, насыщающей их среднеазиатским колоритом. Больше всего ее в стихотворении «Фергана» (1987), написанном после поездки в Узбекистан, где в 1982 г. в Ташкенте отмечался юбилей классика узбекской литературы Алишера Навои. Но Л. Турбиной больше запомнился «бросок» в Фергану, где проходил «тур поэтов». Этот город овеян славой Захириддина Мухаммеда Бабура, у которого наиболее известны «Записки Бабура» о путешествии в Афганистан и Индию – «Бабурнамэ» и которому в Фергане установлен памятник. Поэтесса включает это имя в текст стихотворения, окружает его пиететом. Поэтический же тур описан как некий пир – подразумевается пир духа, таланта, благородства. В наше время это роскошь, и Л. Турбиной используются образы с семантикой богатства и роскоши, но в метафорическом ключе. Национальную специфику подчеркивают узбекские слова в кириллическом написании, причем за непонятным выражением может следовать русскоязычный перевод:

Багча шамал – в саду ветров,
Не пир – персидские эмали.
Закатом золотятся дали...
И мы – среди земных богов
В багча шамале [2, с. 97].

Багча шамал – и есть «сад ветров» (значит, здесь не изнывают от жары, есть прохлада), тогда как слово *мушайра*, означающее «турнир поэтов», дается без перевода, но смысл его в контексте стихотворения все-таки улавливается:

В тени Бабура – мушайра.
Поэты ждут второго тура:
Стихи звучали б до утра,
Но кто-то знак подал – пора!
В тени Бабура [2, с. 97].

Л. Турбина своеобразно совмещает в стихе признаки *рондо* (пятистишие, только 2 рифмы, проходящие через строфу, нерифмующийся рефрен, завершающий строфу и повторяющий начальные слова первой строки «В тени Бабура») и *газеллы* (последние слова «В тени Бабура» можно рассматривать как редиф). Кроме того, внутренняя рифма *Бабура* созвучна с рифмующимся с концевым словом *тура*, а *мушайра*, (*до*) *утра*, *пора* образуют единую тройную рифму. Европейская стихотворная традиция причудливо соединяется с восточной.

Однако во второй половине стихотворения (III и IV строфы) настроение меняется: завершение праздника поэзии и перемещение в окружающую действительность порождает тревогу, связанную с ощущением угрожающей опасности. Ее источник – Фергана, где, как можно догадаться, зреют настроения радикалистского ислама, ненависти и вражды:

Гигантской чашей Фергана
В саду у ног лежала наших,
Как чаша темного вина;
Пахнуло жутью вдруг со дна
Гигантской чаши [2, с. 97].

Вроде бы речь идет о ландшафте, но и метафора *дна* как последней степени падения опьяненных злом проступает сквозь строки стихотворения. Верить в страшные предчувствия не хочется, тревогу поэты стремятся заглушить, однако золото заката сменяется у Л. Турбинной ночью, грозой без грома и дождя, но с пугающими вспышками молний. Пейзаж передает меняющуюся национально-историческую погоду, предощущение торжества мрака. Хотя бы душой сквозь все это предстояло пройти:

Во тьме кромешной мчались мы –
При свете молний бег поспешный,
В машине, с песнею потешной,
И смех – как грех среди чумы –
Во тьме кромешной... [2, с. 97].

В подтексте стихотворения проступает культурема *тир во время чумы*, и составляющие ее члены укрупняют проблематику до общефилософской, ибо *тир* – пришедшая из античности метафора прекрасной жизни, каковою упивается человек, *чума* символизирует смерть. К бацилле «чумы» приравнивается национальная и религиозная вражда, разжигаемая в Средней Азии.

Предчувствия, как оказалось, не обманывали. Вскоре после отъезда из Узбекистана Л. Турбина узнала о резне там турок-месхетинцев. Дальше – больше. Подробно узбекский кошмар 1990-х описан в книге Ильи Стогофф а «mASIAfucker». И у Л. Турбиной мотив «бега» – иносказательное обозначение судьбы 25 млн русских на постсоветском пространстве за пределами России. Характерно, однако, что «бег» от разразившейся «грозы» совершают у нее и узбекские поэты, сохранившие верность идеалам Навои и Бабура, – они тоже не приемлют «чуму», обрушившуюся на их родину. Л. Турбина видит в них союзников в противостоянии «чуме», всем содержанием стихотворения зовет к единению, отстаиванию гуманных начал бытия.

Восточные же стихи Л. Турбиной в целом удостоверяют: каких-то неразрешимых антагонистических противоречий между республиками Средней Азии, ставшими независимыми государствами, и Российской Федерацией не было – раскол 1990-х был спровоцирован во многом искусственно. Находясь в Туркменистане, Азербайджане, Узбекистане, свидетельствует поэтесса, она ощущала себя в полной безопасности. В своих стихах Л. Турбина напоминает, каким гостеприимным и притягательным может быть Восток, какая у него богатая культура – из памяти это вычеркнуть невозможно.

Неприятие радикализма не должно перерастать в неприязнь и враждебность к самим народам, связанным общей историей, не так уж редко и личными отношениями, утверждает Л. Турбина.

В стихотворении «Запретный плод» (1990) турбинский образ Востока двоится, несет в себе и позитивное, и негативное; при всем том он предстает как родной, пусть и подхвативший опасный вирус, а к родному отношение особое:

Еще Европы нет в помине –
Уже распахнут твой шатер...
Мне не забыть, когда покину,
Ковровый красочный узор.

Цветы и фрукты всё дороже,
Но снова щедро льётся кровь...
Коварный, пагубный – и всё же
Тебе, Восток, моя любовь! [2, с. 91]

Л. Турбина оправдывает данное ей Ашхабадом имя и словно наводит новые мосты, адресуя Востоку свою любовь. Не выгода, не корысть рассматриваются как основа взаимоотношений, а добрые чувства, искренняя заинтересованность друг в друге. Л. Турбина следует и собственному душевному порыву, и традиции Ф. Тютчева, писавшего:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней... [3, с. 245]

Вообще недооценивать Восток неправомерно, убеждена Л. Турбина, открывающая там для себя немало замечательного. Возможно, ее любовь к Востоку и «неразделенная» (если воспользоваться блоковскими словами из стихотворения «Земное сердце стынет вновь...»), но поэтесса остается верна и возникшей привязанности, и идеалу всеединства. Культурные связи со Средней Азией, пусть и ослабевшие, однако, постепенно восстанавливаемые, она скрепляет своими стихами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турбина, Л. Разносчик телеграмм: сб. прозы / Л. Турбина. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015.
2. Турбина, Л. Ангел на велосипеде / Л. Турбина. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2017.
3. Тютчев, Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1988.

Поступила в редакцию 26.05.2021